

Театр

№ 11
Ноябрь
1977

Ежемесячный
журнал
драматургии
и театра

Основан
в 1937 году

Главный
редактор
А. Салынский

Редакционная
коллегия:
Ю. Барабаш,
К. Воронков,
О. Дзюбинская,
Н. Жегин
(отв. секретарь),
М. Кнебель,
П. Марков,
Н. Мирошниченко
(первый зам.
главного редактора),

Вл. Пименов,
Б. Ростоцкий,
А. Софронов,
А. Степанова,
Г. Товстоногов,
А. Штейн,
Ю. Шуб
(зам. главного
редактора)

Художественный
редактор
Л. Юкина

Технический
редактор
П. Максютя

Художник
М. Жуков

Адрес редакции:
121069
Москва,
ул. Герцена, 49

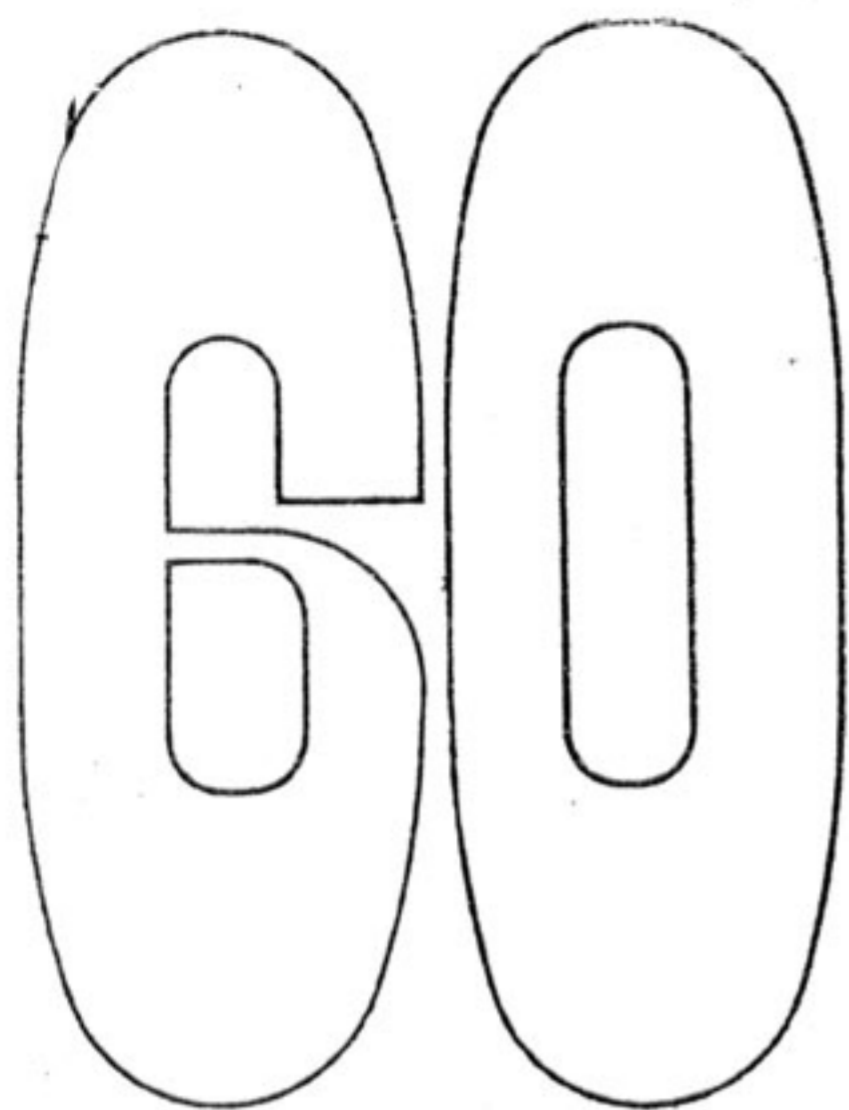
Телефоны:
отдел критики
290-61-53;
отделы драматургии
и зарубежного
театра
202-84-99;
отдел театра
народов СССР
290-54-23;

отдел публицистики
202-87-88;
отдел теории, истории
и библиографии
202-87-99;
отдел информации
290-51-49;
производственный
отдел
291-04-50

**Издательство
«Известия»**

Рукописи
не возвращаются
и не рецензируются

На обложке:
В. В. Дмитриев.
Эскиз декорации
к спектаклю «Кремлевские
куранты»
Н. Погодина.
МХАТ имени М. Горького,
1940.

лет

Великого

Октября

**Победа Октября —
главное событие XX века,
коренным образом
изменившее ход развития
всего человечества.**

Из постановления ЦК КПСС
«О 60-й годовщине Великой
Октябрьской социалистической
революции».

Дмитрий Лихачев,
литературовед,
СССР

Скажу о том, что я хотел бы увидеть на сцене, — о том «положительном герое», который мог бы увлечь зрителя и который теперь, как мне кажется, очень нужен.

Сейчас, в эпоху научно-технической революции, самая большая нужда в герое, который в этой научно-технической революции участвует. Им прежде всего должен стать герой умный и широко образованный. Научно-техническая революция, как известно, не может осуществляться одними узкими спе-

циалистами. Роль «узких специалистов» берут на себя сейчас электронные устройства, а человек должен быть тем, чем не может стать машина. Он должен обладать всесторонне развитым высоким интеллектом. И это касается не только научного работника, но и любого работника вообще, ибо сотрется различие рабочего, инженера, ученого. К этому идет дело. А раз так, то сильный интеллект и сильно развитое этическое начало, которое тоже в машине отсутствует (электронная машина «честна» — и не более), должны заставить работать воображение наших драматургов.

Стоит задуматься над характером этого человека будущего с его сильным интеллектом. Нужна, конечно, воля. Но не та воля, которая только принуждает других, а та, которая организует самого человека, делает его способным к интенсивной и целеустремленной исследовательской работе. Такие люди не стучат кулаками по столу и не кричат на подчиненных (к сожалению, у нас на сцене часто показывают именно такие «сильные натуры»). Грубость — прежде всего черта слабости. Это черта неуравновешенности, неуверенности в своем влиянии на окружающих. Я бы даже сказал, что когда слишком резко и грубо человек настаивает на своей точке зрения, — значит, он не уверен в ней, значит, ему недостает точных доказательств. Когда герой пьесы уверенно пользуется данными науки, данными электронно-решающих устройств, ему не надо прибегать к грубому выражению своей воли, не надо повышать голос, настаивая на своей точке зрения. Он, скорее, похож на «богатого человека», который, по словам Чехова, «говорит тихо» («он же богатый»).

Итак, герой будущего — это интеллектуальный герой, спокойный и даже деликатный, уверенный в себе, но не надменный, не важничающий, ибо он знает, что его решения — решения науки, а не его личной сообразительности или административной изворотливости. А кроме того, он не важничает, так как он воспитанный человек, а воспитателем его являются его широкие знания.

Такой герой будет встречен зрителем с радостью, ибо мы все устали от шумихи на сцене, от криков и скандалов, от перевеса внешних выражений конфликтности в самых шумных формах над конфликтами подлинными, которые не нуждаются в актерском надрыве.

Научный работник часто выступает на нашей сцене. И если раньше это был старый профессор с традиционной «профессорской наружностью», несколько чудаковатый и оторванный от жизни, то теперь он помолодел и даже очень иногда помолодел. Этого научного работника драматурги всячески стараются «утеплить», сделать простым, не лишенным человеческих слабостей. Но почему приемы «утепления» так однообразны, почему они по преимуществу сводятся к выпивкам (хорошо еще, что в компании)? Этот прием «утепления» проникает даже в названия пьес («Выпьем за Колумба!»). Разве нельзя сделать этого героя теплым без внешних приемов «утепления»? Разве нельзя сделать его просто добрым, как добры все великие положительные герои прошлого: Дон Ки-

хот, Пиквик, Мышкин, даже профессор Филютек польского карикатуриста Ленгрена? То, что все эти люди не настоящие ученые, не отменяет идеального качества идеального героя — простой человеческой доброты. Надо реабилитировать доброту на сцене и не делать доброту преимущественным свойством бабушек и дедушек. Пусть помолодеет и поумнеет доброта на сцене, как уже помолодел на сцене и сам ученый. Пусть доброта не замыкается только кругом людей «простых», неученых. Пусть появится «умная доброта». Это задача великая, достойная нас и нашего театра.

А ведь соединить «умную доброту» с насущными задачами и современными конфликтами в нашей науке не так уж трудно. Современная наука все усложняет вопросы научной этики. Коллективность нашей науки, сложные отношения, в которые сейчас вступают друг с другом ученые в пределах лабораторий, институтов, всей страны и всех стран мира, выдвигают тысячи новых этических проблем, которых не ведали чудаковатые старички профессора прошлого столетия.

Но, создавая образ «умной доброты» интеллектуального героя века научно-технической революции, не забудем о том, что эта доброта должна быть непосредственной, она должна быть потребностью человеческой души, иначе она утрачивает свое обаяние и тогда нам вместо теплоты придется преподносить зрителю приемы «утепления».